

Е. Батракова

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭСТОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставлению сетевого общения эстонского и русского языков. Основное внимание уделяется функционированию вставных конструкций в текстах комментариев и публикаций пользователей. В работе рассматриваются функционально-семантические группы вставок, собранных методом сплошной выборки на эстонских и русских кулинарных форумах. Проведенный анализ показывает, что для эстонской и русской выборки набор функционально-семантических групп и количественная соотношенность их элементов сходны, и вставные конструкции, создавая гипертекст, участвуют в реализации многоплановости повествования. Предполагается, что общность этих процессов может интерпретироваться как проявление глобализации, в том числе ввиду взаимопроникновения языков в интернет-среде.

Ключевые слова: вставная конструкция, глобализация, эстонский язык, русский язык, сопоставительный аспект, сетевое общение.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-6-16

Современный мир охвачен глобализацией в разнообразных ее проявлениях [см. подробнее, напр.: Rietzer 2007]: происходит слияние рынков, стираются экономические границы между государствами. Глобализационные процессы объясняются рядом факторов: развитием научно-технического прогресса, возрастающей ролью Интернета [см., напр.: Gelernter L., Regev M. 2010], в том числе как коммуникационной среды и др. Влиянием последнего фактора может объясняться и тот факт, что порой даже в неродственных языках обнаруживаются схожие тенденции в речевых практиках, и в некоторых случаях мы можем говорить о глобализации как о процессе взаимопроникновения языков. Отметим, что зачастую, говоря о лингвистике и глобализации, ученые понимают под последней повсеместное распространение английского языка в качестве языка международного общения [Алпатов 2018; Сметанина-Болдвин, Маслова 2009], описывают его влияние на другие языки, способствующее появлению заимствований на разных лингвистических уровнях и др. Подобные процессы были отмечены нами в ходе сопоставления вставных конструкций эстонского и русского языков.

Предмет нашего исследования – вставные конструкции в сетевом общении. Ниже мы охарактеризуем рассматриваемое явление в русском и эстонском языках.

Долгое время важнейшей задачей синтаксиса было описание ядра синтаксической системы – определение таких важнейших категорий, как предложение [Арутюнова 1976, Ломтев 1972], типы отношений [Белашапкина 1999, Скобликова 1971] и др., и ряд синтаксических явлений долгое время оставался на периферии исследовательских интересов. Так, например, синтаксические связи были описаны фрагментарно [Дымарский 2013], а вставные конструкции, не образующие с предложением синтаксических связей, оказались на еще большей «синтаксической периферии» – к середине XX века они были описаны непоследовательно и определялись по-разному, поскольку единой точки зрения на это явление не существовало.

Первое относительно четкое определение вставной конструкции дано в «Грамматике русского языка» под редакцией В. В. Виноградова, в которой к исследуемой категории относят слова, словосочетания или предложения, содержащие «дополнительные сведения о чем-либо; замечания, имеющие характер сопоставления или противопоставления чего-либо тому, о чем говорится в основном предложении; уточнение названного в основном предложении общего обозначения места, времени действия и т. п.; сообщение фактов, раскрывающих причину того, что высказано в основном предложении; замечания, толкующие значение или комментирующие употребление того или иного слова или фразеологического оборота; характеристика лица, описание предмета, обстановки и т.п.; указание на обстоятельства, сопутствующие тому, о чем сообщается в основном предложении, в частности внесенные в

прямую речь замечания автора относительно тона, поведения, самочувствия говорящего лица и др.» [РГ-54 II, 167].

Во второй половине XX в. интерес к вставным конструкциям возрастает, в частности потому, что меняется вектор лингвистических исследований в сторону функционального подхода [Золотова 1973, Мустайоки 2010]. Происходит расширение материальной базы исследований: исследователи обращаются не только к художественному тексту, как происходило ранее, но и к разговорной речи [Земская 1987], диалектам [Касаткин 1989], рекламе [Розенталь, Кохтев 1981], позднее – к интернету [Язык и речь... 2019]; становится важно *кто* говорит, *зачем* и *как*. Происходит смена фокуса исследований – он перемещается на текст, дискурс.

Изучение вставных конструкций и подход к их выделению в эстонском и в русском языкознании имеет сходства и различия. Вставные конструкции долгое время не выделялись в качестве самостоятельной категории в русистике, в том числе ввиду сложности разграничения их и смежных конструкций – вводных элементов и придаточных предложений [Батракова 2018], однако в настоящее время большая часть исследователей выделяет вставные конструкции как самостоятельную синтаксическую единицу. Современное определение вставок в русистике можно сформулировать так: это конструкции, не образующие с членами предложения подчинительной связи, однако входящие в его состав и тесно связанные с ним по смыслу; вставки служат для выражения каких-то добавочных, попутных замечаний, уточнений, поправок и т. п. к основному сообщению:

1а¹) *Это научные семинары, которые проходят в Москве (но можно участвовать по скайпу), и на которых обсуждаются самые-самые сложные историко-филологические темы*².

1б) *Loodus on ju palju täiuslikum ja tasakaalukam (ning taastab end ka ise, kui inimene oma rumaluse tõttu kaduma peaks), kui inimlooming senini seda olnud on*³.

Эстонское понятие *kiil* также включает в себя черты как вводных, так и вставных элементов в «русском» понимании: «*Kiil (lause) ehk PARENTEES on lause, mis on paigutatud teise lause sisse sellega grammatiliselt seostamata. <...> Kiildumine hõlmavasse lausesse võib toimuda mis tahes sisuliselt sobivas kohas, <...> võib kiillause välja jätta, ilma et hõlmava lause vormiline või sisuline terviklikkus kannataks. Alistusseose puudumisest juhtub, et kiil ei toimi hõlmava lause suhtes lauseliktmena <...> Kiilu intoneeritakse nagu omaette lauset. Kirjas märgib seda paigutamise vahemärkide (komade, sulgude, mõttekriipsude) vahel*»⁴ [EKG 1993, 102].

В качестве иллюстративного материала среди вставок также представлены элементы, определяемые в русистике как вводные [EKG 1993, 103]:

2а) *Vabandage, praegu on minu järjekord.*

[‘Простите, сейчас моя очередь’]

2б) *See pettus, ma loodan, jääb viimaseks.*

[‘Надеюсь, это был последний обман’]

В изданном в 2017 году отдельным томом дополненном синтаксисе эстонского языка явление *kiil* описано подробнее, несколько параграфов посвящены рассмотрению разрядов парентезы, где среди примеров вновь находим не только вставные конструкции (3б), но и вводные элементы (3а, 3в) и даже обращения (3г) [EKS 2017, 482]:

3а) *ühesõnaga* [‘одним словом’]

3б) *Juhan lõpetas töö, ta oli liiga väsinud, ja läks minema* [‘Юхан закончил работу, он слишком устал, и ушел’]

3в) *Kuule, hakkame nüüd minema* [‘Слушай, давай уже пойдём’]

3г) *Peeter, laena mulle natuke raha* [‘Пётр, одолжи мне немножко денег’].

¹ Приведенные в тексте статьи примеры были собраны нами в интернете (за исключением случаев цитирования других исследований, снабженных ссылками на источник). Примеры, относящиеся к одному тематическому блоку, имеют общий цифровой индекс –1а, 1б и т.д.

² Исходные орфография и пунктуация сохранены.

³ ‘Природа все-таки намного совершеннее и сбалансированнее (и сама восстановится, если человек по своей же глупости исчез бы), чем человечество по сей день’ (здесь и далее перевод наш – Е. Б.).

⁴ ‘*Kiil*, или парентеза – это предложение, помещенное в другое предложение без грамматической связи. Вставка в основное предложение может производиться в любое подходящее по смыслу место, и при его элиминации не изменится формальная и смысловая целостность включающего предложения. Парентеза не является членом предложения и интонируется как самостоятельное предложение. На письме выделяется запятыми, парными тире или скобками’.

В статьях М. Эрелта [Erelt 2004; Erelt 2011] *kill* включается в более широкое понятие *klaus*, однако, например, группа исследователей [Kaaler, Muischnek 2012], занимающихся изучением эстонского синтаксиса в рамках компьютерной лингвистики, предпочитают использовать термины *osalause* и *kiil*, понимая под последним синтаксическую единицу, полностью расположенную внутри другой синтаксической единицы, т. е. синтаксическая структура (предложение) начинается до *kiil* и всегда продолжается после, что и отличает это явление от *osalause*.

Таким образом, понятия *вставная конструкция* и *kill*, хотя и не имеют четкого определения, функционально схожи в русском и эстонском языках; оба обозначают попутные замечания и комментарии, включенные в предложение без грамматической связи, однако *kiil* оказывается шире *вставной конструкции*: оно включает в себя смежные со вставками явления – вводные и придаточные предложения, а также в некоторых случаях и обращения. Вопрос определения рассматриваемых явлений остается открытым, что подтверждает актуальность нашего исследования.

В своем исследовании мы выделяем потенциальные вставки по формальным признакам – выбираем элементы, заключенные в парные скобки или тире, например:

4а) *Адамсон сделал ангела с крестом в память о кораблекрушении броненосца «Русалка», стоит ангел на большом камне и на залив смотрит (набережная Нарва манте).*

4б) *See kõik on siis sarkastilises (või on see ironilises?) võtmes kirjutatud⁵.*

Общий корпус практического материала нашего исследования насчитывает более двух тысяч единиц. Материал собирался методом сплошной выборки в социальных сетях и с нескольких интернет-порталов. Вставки представлены в нем знаком препинания, буквой, словом, словосочетанием, предложением или текстом. Представленные средства разнообразны не только формально, но и функционально-семантически [Батракова 2019], однако при этом в некоторых областях сетевого общения наблюдается тенденция к определенной стандартизации вставок [Батракова 2020], что можно рассматривать как появление типизированных конструкций. Под типизированными конструкциями мы понимаем устно-разговорные модели, «наиболее характерные, ведущие, образующие костяк устно-разговорного синтаксиса» [Лаптева 1976], реализованные в письменном тексте. При этом данная тенденция, как показал анализ материала, по-разному проявляется в разных сегментах сетевого общения.

Так, на кулинарных форумах регулярными, например, оказались конструкции, содержащие в себе советы по замене продуктов:

5) *Для заправки смешать сок и цедру лайма, рисовый уксус, мед (можно заменить сахаром или, как я, сиропом агавы), хорошего качества кунжутное масло, растертый в кашицу зубчик чеснока и мелко нарезанный перец чили без семян и перепонок.*

Анализ материала позволил обобщить наиболее регулярно повторяющиеся случаи и представить их формулы, например: $у\ меня + N_{ном} + Num\% + N_{Gen}$ [Батракова 2020]:

6а) *Форму (у меня круглая форма диаметром 24 см) смазать маслом.*

6б) *200 мл. сливок (33%-ной жирности).*

Разного рода типизации свойственны не только кулинарной сфере и могут быть обнаружены не только в интернет-среде: например, Р. Рейнсалу отмечает сходность используемых вставных конструкций на примере эстонских документов [Reinsalu 2012]. Вставные элементы в тексте договора выполняют функцию уточнений и дополнений, и автор статьи выделяет такие случаи употребления вставок в рассматриваемых документах [там же, 228]: 1) условные термины (*kokkuleppelised terminid*), как правило, начинающиеся словом *edaspidi* (далее); 2) данные физического или юридического лица – Ф. И. О, персональный код, номер телефона и др., – разделенные запятыми; 3) суммы / сроки / экземпляры / проценты – числовые величины, прописанные словами; 4) частные случаи пояснения контекста – пояснение значения слова перед скобками (7а, 7б) или всего предложения (7в):

7а) *Arhiivitarvikute (karbid, kaaned) kulud katab tellija⁶.*

7б) *Lepingust tulenevate kohustuste mittetäitmist või mittenõuetekohast täitmist ei loeta Lepingu rikkumiseks kui selle põhjuseks oli ettenägematu ja vääramatute jõud (force majeure)⁷.*

⁵ ‘Это все написано все-таки в саркастическом (или же ироническом?) ключе’.

⁶ ‘Архивные принадлежности (коробки, обложки) оплачивает заказчик’.

⁷ ‘Неисполнение договорных обязательств или их ненадлежащее исполнение в связи с действием непреодолимой силы (форс-мажор) не считается нарушением Договора’.

76) *Leping jõustub selle allakirjutamisest Osapoole poolt ja kehtib kuni Lepingus sätestatud kohustuste täitmiseni (heaks on kiidetud projekti lõpparuanne ning selle alusel on teostatud väljamaksed).*⁸

Таким образом, вставные конструкции, используемые в тексте договора, могут быть сходны формально (перечисленные в определенном порядке личные данные, прописанные словами числовые величины и др.) и функционально-семантически.

Обращаясь к жанру кулинарного рецепта, М. Парадовски, со ссылкой на М. Нордмана, писал, что рецепт – один из немногих жанров с конвенциализированной структурой, правила его оформления межкультурны, стереотипны и легко узнаваемы даже рядовым пользователем [Paradowski 2018, 54].

При подготовке данной статьи мы провели контент-анализ текстов с кулинарных сайтов на русском (*eda.ru*) и эстонском языках (*kokkama.ee*). Нами были собраны предложения, содержащие вставные конструкции, заключенные в парные скобки. Сбор материала проводился автоматизированно – при помощи написанной для этих целей программы⁹, которая собирает с выбранных интернет-ресурсов предложения с вставными конструкциями. В рамках данного исследования мы рассмотрели 404 конструкции с сайта *eda.ru* и 265 конструкций с сайта *kokkama.ee*.

Первичный анализ собранного материала показал, что рассматриваемые конструкции в русском и эстонском материале в общих чертах формально похожи – все они могли быть представлены словом, словосочетанием, предложением – однако при более детальном анализе было обнаружено, что конструкции не идентичны – для выражения одних и тех же смыслов использовались разные конструкции, что позволило выделить для каждой «части» (эстонской и русской) материала функционально-семантические группы (см. *Диаграмма 1* и *Диаграмма 2*):

- действия (поясняют уже описанные действия или вводят дополнительные);
- ингредиенты (поясняют и расширяют список ингредиентов);
- условия и причины (пояснение условий и причин действий);
- метаязыковые комментарии (комментируют и поясняют неизвестные наименования);
- отсылки (осуществляют навигацию в тексте рецепта и за его пределами);
- опциональность (предлагают возможные варианты действий, замены ингредиентов и др.);
- опциональность (предлагают возможные варианты действий, замены ингредиентов и др.).

Вставные конструкции (в эстонском материале)

Диаграмма 1. Функционально-семантические группы вставных конструкций (ВК) на материале эстонского языка

⁸ ‘Договор вступает в силу с момента его подписания и действует до полного исполнения обязательств Сторон по нему (утвержден финальный отчет по проекту и на его основании произведены выплаты)’.

⁹ Описание программы (автор Офлян К.) URL: <https://gitlab.com/KOflyan/crawler> (дата обращения: 10.07.2022)

Вставные конструкции (в русском материале)

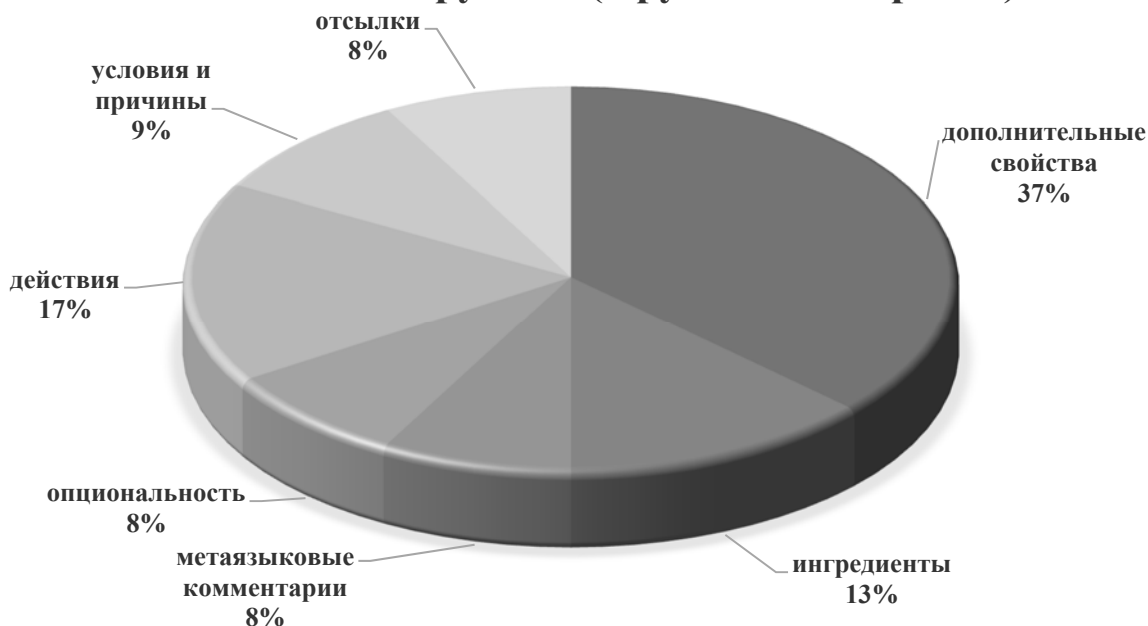

Диаграмма 2. Функционально-семантические группы вставных конструкций (ВК) на материале эстонского языка

В диаграммах наглядно представлены сходства в семантике и частично в прагматике исследуемых конструкций. С функциональной точки зрения в материале были обнаружены «традиционные» функции вставных конструкций – пояснения, уточнения, попутные комментарии, отсылки и метаязыковые комментарии. Интересно, что в эстонском и русском материале с функционально-семантической точки зрения уточнялись и дополнялись одни и те же детали: дополнительные свойства объектов (размер, температура, густота и прочие характеристики), ингредиенты (примерные ингредиенты и варианты их замены), действия (в т.ч. варианты замены действий и уточнение образа действия); причины и условия действий, метаязыковые комментарии (особенно частотны пояснения названий блюд, их оригинальное написание и др.) и различного рода отсылки (к источнику рецепта, картинке, месту или же вставки, обслуживающие навигацию в самом тексте рецепта).

Наиболее частотными оказались вставные конструкции, содержащие информацию о дополнительных свойствах объектов. Эти вставки нередко содержали информацию о размере или типе формы для выпечки:

8a) *Suru küpsisemass küpsetuspaberiga kaetud lahtikäiva koogivormi (22-24cm. läbimõõduga)¹⁰ põhjale.*

8г) *Смазать форму для выпечки маслом (диаметр 25 см).*

8б) *Määri ahjuvorm (kasutasin 30x22cm vormi) võiga ning pane pool saia-leivasegust vormi põhja.¹¹*

8д) *Форму для выпекания (я взяла разъёмную форму) смазать маслом и вылить готовое тесто.*

8в) *Vooderda kandiline kõrgete äärtega vorm (17x25cm) või lahtikäiv ümmargune (Ø24cm) vorm toidukilega.¹²*

8е) *Форму (у меня круглая форма диаметром 24 см) смазать маслом.*

¹⁰ «Распредели полученную из печенья массу на застеленную бумагой для выпечки форму (диаметром 22-24 см)».

¹¹ «Смажь форму (я использовала форму 30x20 см) маслом и выложи половину хлебной смеси на дно формы».

¹² «Застели форму с высокими бортиками (17x25 см) или разъёмную форму (Ø24cm) пищевой пленкой».

Примерам данной группы из русской части выборки свойственна большая субъективность, что выражается в используемых грамматических средствах – личных местоимениях и глагольных формах (8д, 8е), в эстонском языке в подобных конструкциях местоимение не требуется, поскольку значение первого лица уже содержится в глагольной форме (8б). Однако субъективность оказывается в некоторой степени ограничена арсеналом языковых средств, поскольку жанру кулинарного рецепта свойственна однотипность речевых практик.

Также часто уточнялось количество ингредиентов, причем не всегда для этого использовались только лишь числовые значения, напротив – вставки были сформулированы преимущественно описательно:

9а) *kardemoni 3 tl (kuhjaga)*¹³

9д) *добавляю соль и сахар (на 1 л воды 100 г соли и 30 г сахара)*

9б) *Sega kõik omavahel ühtlaseks taignaks ning aseta pool (või veidi rohkem) taignast küpsetuspaberiga vooderdatud ahjuvormi*¹⁴

9е) *залить нут свежей холодной водой (примерно половина 4 литровой кастрюли)*

9в) *3 sl suhkrut (suhkru kogus oleneb suuresti ka õunte magususest)*¹⁵

9ж) *Развести в воде соль (так, чтобы вода на вкус казалась пересоленной).*

9г) *Aseta kooritud kartulid malpoti põhjale (niii palju, et põhi oleks ilusti kaetud)*¹⁶

9з) *Картофель (5 средних, 4 крупных) и морковь (2 средних) запечь в духовке на фольге открытыми.*

Поскольку жанр рецепта подразумевает не только список определенных ингредиентов, но и определенный порядок действий, последние также нередко уточнялись при помощи вставных конструкций. Чаще всего авторы рецепта поясняли образ действия: например, при помощи чего можно добиться желаемого результата (10а, 10в), а также называли в скобках дополнительное действие, например, предварительное (10б, 10г):

10а) *Seejärel lisa suhkur, sool, 0,5 tuna ning hakka vaikselt mikseri või köögikombainiga (taignasegamiskonksudega) tainast segama.*¹⁷

10в) *Берем 3 среднего размера свеклы, чистим, трем (у меня всегда используется комбайн и разные насадки. Деньги, потраченные на маникюр, жалеются :-)) Итак, трем на мелкой терке свеклу.*

10б) *Lao peale uuesti küpsised (eelnevalt kasta piima-konjaki segusse) ning määri peale toorjuustusegu.*¹⁸

10г) *В шейкер влить виски, сироп, выжать сок целого лимона, добавить два кусочка имбиря и белок от одного яйца (предварительно отделить от желтка).*

Примеры 10б и 10г формально сходны (предварительно + V), примеры же 10а и 10в близки семантически, но значение оказывается выражено разными средствами – формой комитатива в эстонском примере и более длинной описательной вставкой с возвратной конструкцией модально-пассивного значения в русском, которая вновь (как в примерах 8д, 8е) содержит в себе прямую отсылку к личному опыту автора, где субъективность подкрепляется использованием смайлика.

Вставки, называющие причину описываемого действия, чаще встречались в эстонском материале:

¹³ ‘3 ч.л. кардамона (с горкой)’.

¹⁴ ‘Смешай все до однородной массы в тесто и выложи половину (или чуть больше) на застеленную бумагой форму’.

¹⁵ ‘3 ст.л. сахара (количество сахара зависит от сладости яблок)’.

¹⁶ ‘Выложи очищенный картофель в кастрюлю с толстым дном (так, чтобы дно было полностью покрыто)’.

¹⁷ ‘После добавь сахар, соль, половину яйца и медленно перемешай тесто при помощи миксера или комбайна (с помощью насадок для перемешивания теста)’.

¹⁸ ‘Выложи сверху еще раз печенье (предварительно смочи в молочно-коньячной смеси) и промажь творожным кремом’.

11a) Lisa mõned lusikatäied kuuma kooresegu munakollasele (**temperatuuri ühtlustamiseks**) ning vala siis tasapisi munasegu potti koore hulka, ise pidevalt segades¹⁹.

11в) Мочим руки холодной водой (**чтоб не липло**), лепим бифштексы, выкладываем на сковородку, минутку обжариваем на быстром огне, потом огонь убавляем, накрываем крышкой и жарим минут по 10 с каждой стороны (**чтобы прожарить лук**).

11b) Võta kimbutäis salveilehti (minul oli oma 35-40 suurepäraselt lõhnavat salveilehte) ning rösti neid kuumal kuival pannil paar minutit ehk seni kuni need muutuvad krõbedaks (**rösti kahes jaos, kuna kõik lehed ei pruugi ära mahtuda pannile**)²⁰.

11г) На сильном огне обжарить мясо (**лучше порционно, чтобы мясо не тушилось, а жарилось**).

Вновь семантически близкие примеры в эстонском и русском языках имеют разную форму выражения (11a, 11в) – форма транслатива в эстонском и придаточные предложения с союзом *чтоб(ы)* в русском.

Метаязыковые вставки в целом представлены пояснениями значений слов, в русском материале – вероятно, ввиду кириллического алфавита, – было обнаружено больше пояснений заимствованных наименований блюд, ингредиентов и т.д., их фонетических и графических вариантов:

12a) 150 g toasooja maapähklivõid (**ehk siis Peanut Butter**)²¹

12б) Ширако (**супрако**) — традиционное японское блюдо, которому до популярности суши далеко.

12в) Два главных рецепта «по-римски (**carciofi alla romana**) и по-еврейски (**carciofi alla giudia**)» отличает степень сложности начинки, еврейская, конечно, хитроумнее.

12г) Положить в устройство су-вид (**sous-vide**) на 2 часа

В эстонском материале чаще вставная конструкция содержала в себе отсылку к первоисточнику рецепта (например, к номеру журнала, где опубликованы рецепты). В русскоязычной выборке было обнаружено много отсылок к определенным локациям, однако это объясняется тем, что в выборку попал блог о поездке в Италию (13в). Также в русском материале при помощи вставки уточняется объект речи (13г):

13a) Selle nädala Naistelehes (**05.02.2020**) jagan samuti erinevaid toorpuudretsepte ning annan soovitusi, millest ja kuidas selline lihtne hommikusöök valmis ehitada²².

13в) Da Jair (**via Foce Micina 118, Fiumicino**). Ego мало кто знает, но он -- настоящее сокровище.

13б) Seda peab kooralikult tundma läbi kogu burgeri ning seetõttu kasutasin juustu rohelisestoga (**piltidel see roheline**) ning «Old Amsterdam» juustu²³.

13г) В замоченный желатин (**первая емкость**) добавить 60 грамм сахара и растопить, не доводя до кипения.

Вставки содержали отсылки к элементам внутри текста (13г), за его пределами (13a, 13в), а также пограничные случаи с картинками, как в примере 13б.

¹⁹ 'Добавь к желтку несколько ложек горячей сливочной смеси (**для выравнивания температуры**), постепенно добавляй яичную смесь в кастрюлю со сливками, постоянно помешивая'.

²⁰ 'Возьми пучок шалфея (у меня было 35-40 ароматных листиков шалфея) и поджарь их на сухой горячей сковороде несколько минут, пока они не станут хрустящими (**жарь порционно, потому что все листья могут не поместиться в сковороду**)'.

²¹ '150 гр арахисового масла комнатной температуры (**Peanut Butter**)'

²² 'В свежем номере Naisteleht (**05.02.2020**) делюсь рецептами каш и даю советы, из чего и как приготовить простой завтрак'.

²³ 'Он должен хорошо чувствоваться в бургере, поэтому я использовала сыр с зеленым песто (**на картинке зеленый**) и сыр «Старый Амстердам»'.

Специфическими для русской части выборки (в эстонском материале лишь один такой пример, см. 12а) были конструкции с отрицанием или с предлогом *кроме* вместо списка дополнительных свойств и ингредиентов или действий (в рамках своего исследования мы обозначили их как *минус-ингредиент* – 12б, *минус-действие* – 12в, *минус-свойство* – 12г):

12а) *Eemalda suvikõrvitsalt südamik ja riivi siis suvikõrvits (ära seda koori) jämeda riivipoolega*²⁴.

12б) *Все ингредиенты (кроме лапши) выложить в чашу мультиварки, залить водой, добавить соль и перемешать.*

12в) *Кабачки и баклажан нарезать кусочками по 4 см (кожицу не снимать), выложить в дуршлаг, пересыпая солью.*

12г) *5 столовых ложек соли крупного помола (не йодированной)*

Проведенный анализ материала показал, что пользователи интернета регулярно включают в свои комментарии вставные конструкции. В нашем материале – на примере русского и эстонского языков – такие конструкции частично формально сходны. Используемые авторами вставки функционально-семантически близки и порой однотипны – дополнительные комментарии касаются ингредиентов, их свойств, названий, а также действий и условий их выполнения, реже – отсылают к источнику. Случаев употребления, не затрагивающих кулинарные темы вставных элементов, очень мало (2 единицы). Количественные пропорции рассматриваемых конструкций в русском и эстонском материале в целом сходны, но в эстонском материале выше процент пояснения причин и условий, а в русском – метаязыковых пояснений.

Жанр рецепта предполагает совмещение речи и действия, и в интернет-коммуникации мы находим отражение попытки этого совмещения. Многоплановость повествования проявляется посредством вставных конструкций, что демонстрирует специфику интернет-коммуникации: язык интернета сочетает в себе черты устной (например, с точки зрения синтаксиса) и письменной речи, и визуальная часть контента переходит в письменную форму, образуя посредством вставок своего рода гипертекст. Интернет как глобальная среда, доступная для общения всем желающим, позволяет пользователям переживать не только определенные лексические единицы, но и целые семантико-синтаксические конструкции, характерные для той или иной коммуникативной ситуации, для того или иного жанра текста. Также в интернет-среде нельзя исключать взаимовлияния языков, и нам думается, что однотипность в использовании вставных конструкций может свидетельствовать об общих процессах, по меньшей мере, в сфере кулинарии, и, возможно, обнаруженная общность процессов может быть интерпретирована в том числе и как проявление глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. М., 2018. С. 6–25.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Батракова Е. К вопросу о разграничении вводных и вставных конструкций // Studia Slavica XVI, Таллин: Таллинский университет, 2018. С. 105–112.
- Батракова Е. Вставные конструкции в интернет-коммуникации: структурные и функционально-семантические характеристики // Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXIX Zinātnisko rakstu krājums, Даугавпилс: Saule, 2019. С. 103–110.
- Батракова Е. Типизированные вставные конструкции в интернет-коммуникации // Studia Slavica XVIII. Таллин, 2020. С. 101–109.
- Белошапкина В. А. Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1999. 627 с.
- Дымарский М. Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. М.: Институт лингвистических исследований РАН, 2013. С. 57–91.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987. 236 с.

²⁴ ‘Удали сердцевину из кабачка и натри его (не очищая) на крупной терке’.

- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
- Касаткин Л. Л. Русская диалектология. М.: Просвещение, 1989. 223 с.
- Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 399 с.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 196 с.
- Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2010. 509 с.
- РГ-54 = Грамматика русского языка. Т. 2. / ред. Виноградов В. В., Истрина Е. С. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 440 с.
- Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. М., 1981. 59 с.
- Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 240 с.
- Сметанина-Болдвин Ю. В., Маслова Е. В. Интернет как информационное, языковое и социальное явление и его роль в глобализации локализации мировых языков // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. №1. С. 176–183.
- Язык и речь... = Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура // Сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 т. М.: РУДН, 2019.
- EKG 1993 = Eesti keele grammatika. II. Süntaks / toim. Erelt M., Kaasik R jt. Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993. 464 lk.
- EKS 2017 = Eesti keele süntaks / toim. Erelt M., Metslang H. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2017. 923 lk.
- Erelt M. Märkmeid eesti keele komplekslause kohta. // Keel ja Kirjandus. 2004. Vol. 6. Lk. 401–413.
- Erelt M. Tänapäeva eesti kirjakeele morfosüntaksi ja süntaksi uurimisest Tartu ülikoolis. // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2011. Vol. 56. Lk 37–62.
- Gelernter L., Regev M. Internet and Globalization. The Routledge International Handbook of Globalization Study, 2010. P. 62–76.
- Kaalep H.-J., Muischnek K. Osalause tüvestamine eestikeelses tekstis kui iseseisev ülesanne // Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat. 2012. Lk. 55–68.
- Paradowski M. What's cooking in English culinary texts? Insights from genre corpora for cookbook and menu writers and translators // Translator. 2018. Vol. 24. № 1. P. 50–69.
- Reinsalu R. Lepingute lausestruktuur // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2012. Vol. 57. Lk. 218–234.
- Rietzer G. The Blackwell Companion to Globalization // Journal of World-Systems Research. 2017. Vol. 16. № 1. P. 117–122.

Поступила в редакцию 08.08.2022

Батракова Екатерина,
докторант Тартуского университета
Юликооли 18, г. Тарту 50090, Эстония
e-mail: batrakovaeka@gmail.com

E. Batrakova

**PARENTHETICAL CONSTRUCTION AS A MARKER OF GLOBALIZATION
ON THE INTERNET (COMPARING ESTONIAN AND RUSSIAN)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-6-16

In this paper, the author compares Estonian and Russian usage of parenthetical constructions in online culinary forums. She addresses the functional-semantic categories of parenthetical constructions in user comments and publications. The study includes systematic observation of online activities from March 2020 to September 2020, collecting and analysing the data. Two different corpora for the Russian and Estonian material have been created. The analysis shows a certain degree of similarity between the Estonian and Russian material for categories of parenthetical constructions and a quantitative correlation of their elements. The parenthetical constructions play a major role in the realization of the texts' multidimensional narration. It is possible that this and other similarities presented in the paper can be interpreted as a sign of globalization and a result of the mutual influence of different languages on the Internet.

Keywords: parenthetical constructions, globalization, Estonian language, Russian language, comparative aspects, internet discourse.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 1, pp. 6-16. In Russian.

REFERENCES

- Alpatov V. M.** Yazykovoj aspekt globalizacii [The language aspect of globalization// Yazyk v global'nom kontekste: sovremennaya yazykovaya situaciya kak sledstvie processa globalizacii, [Language in a global context: the contemporary language situation as a consequence of globalization] M., 2018. Pp. 6–25.
- Arutyunova N. D.** *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its sense]. M.: Nauka, 1976. 383 p. In Russian.
- Batrakova E.** *K voprosu o razgranichenii vvodnykh i vstavnykh konstruktssii* [On the differentiation of parenthetical constructions in Russian language] // *Studia Slavica XVI*, Tallin: Tallinskii universitet, 2018, pp. 105–112. In Russian.
- Batrakova E.** *Vstavnye konstruktssii v internet-kommunikatsii: strukturnye i funktsional'no-semanticheskie kharakteristiki* [Parenthetical constructions in the internet communication: structural and functional-semantic properties] // *Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXIX Zinātnisko rakstu krājums* [Proceedings of Scientific Readings XXIX], Daugavpils: Saule, 2019, pp. 103–110. In Russian.
- Batrakova E.** *Tipizirovannye vstavnye konstruktssii v internet komunikatsii* [Standardized parenthetical constructions in the internet communication] // *Studia Slavica XVIII*. Tallinn, 2020, pp. 101–109. In Russian.
- Beloshapkova V. A.** *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. M.: Azbukovnik, 1999. 627 p. In Russian.
- Dymarskii M. Ya.** *K tipologii sintaksicheskikh svyazei (na materiale russkogo yazyka)* [On the typology of syntactic links] // *Problemy funktsional'noi grammatiki: printsip estestvennoi klassifikatsii* [Problems of functional grammar: natural classification principle]. M.: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2013, pp. 57–91. In Russian.
- EKG 1993** = *Eesti keele grammatika. II. Süntaks* [Grammar of Estonian language. Vol 2. Syntax] / edit. Erelt M., Kaasik R jt. Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993. 464 p. In Estonian.
- EKS 2017** = *Eesti keele süntaks* [Syntax of Estonian language] / edit. Erelt M., Metslang H. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2017. 923 p. In Estonian.
- Erelt, M.** *Märkmeid eesti keele komplekslause kohta* [Notes on Estonian complex sentence]. // *Keel ja Kirjandus* [Language and Literature], 6, 2004, pp. 401–413. In Estonian.
- Erelt, M.** *Tänapäeva eesti kirjakeele morfosüntaksi ja süntaksi uurimisest Tartu ülikoolis* [On researches of modern Estonian morphosyntax and syntax at the University of Tartu]. // *Emakeele Seltsi aastaraamat* [Yearbook of the Mother Tongue Society], 56 (2010), 2011, pp. 37–62. In Estonian.
- Gelernter L., Regev M.** *Internet and Globalization. The Routledge International Handbook of Globalization Study*, 2010, pp. 62–76. In English.
- Kaalep H.-J., Muischnek K.** *Osalausete tuvastamine eestikeelses tekstis kui iseseisev ülesanne* [Clause splitting as a separate task (in the analysis of Estonian texts)]. // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat* [Yearbook of Estonian Applied Linguistics Society], 2012, pp 55–68. In Estonian.
- Kasatkin L. L.** *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. M.: Prosveshchenie, 1989. 223 p. In Russian.
- Lapteva O. A.** *Russkii razgovornyi sintaksis* [Russian spoken syntax]. M.: Nauka, 1976. 399 p. In Russian.
- Lomtev T. P.** *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [Sentence and its grammatical categories]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972. 196 p. In Russian.
- Mustaioki A.** *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [The theory of functional syntax from the semantic structures to language means]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 509 p. In Russian.
- Paradowski M.** *What's cooking in English culinary texts? Insights from genre corpora for cookbook and menu writers and translators.* *Translator*, 24(1), 2018, pp. 50–69. In English.
- Reinsalu R.** *Lepingute lausestruktuur* [The sentence structure of contracts]. *Emakeele Seltsi aastaraamat* [Yearbook of the Mother Tongue Society], 2012, 57, pp. 218–234. In Estonian.
- RG-54** = *Grammatika russkogo yazyka. T. 2.* [Grammar of Russian language. Vol. 2]. Edit. Vinogradov V. V., Istrina E. S. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 440 p. In Russian.
- Rietzer G.** The Blackwell Companion to Globalization. *Journal of World-Systems Research*, 16(1), 2007, pp 117–122. In English.
- Rozental' D. E., Kokhtev N. N.** *Yazyk reklamnykh tekstov* [The language of advertising]. M., 1981. 59 p. In Russian.
- Skoblikova E. S.** *Soglasovanie i upravlenie v russkom yazyke* [Approval and management in Russian]. M.: Prosveshchenie, 1971. 240 p. In Russian.

Smetanina-Boldvin Yu. V., Maslova E. V. *Internet kak informacionnoe, yazykovoe i social'noe yavlenie i ego rol' v globalizacii lokalizacii mirovyh yazykov* [The Internet as an informational, linguistic and social phenomenon and its role in the globalization of the localization of world languages] // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. №1, 2009. Pp. 176–183. In Russian.

Yazyk i rech'... = *Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura* [Language and speech on the internet: personality, society, communication, culture] // *Sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proceedings of the 3rd scientific conference]. M.: RUDN, 2019. In Russian.

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian spoken language: linguistic analysis and learning problems]. M.: Russkii yazyk, 1987. 236 p. In Russian.

Zolotova G. A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essays on functional syntax of the Russian language]. M.: Nauka, 1973. 352 p. In Russian.

Received 08.08.2022

Batrakova Ekaterina,
PhD student, Tartu University
Ülikooli 18, Tartu 50090, Estonia
e-mail: batrakovaeka@gmail.com